

УДК 128
ББК 87.628

КАЗУС СКРИПТОРА

Н.В. Омельченко

В статье обсуждается феномен смерти автора, описанный Р. Бартом. В этой связи критикуется радикализм данного заявления и отмечается, что ситуация механического написания и истолкования текстов обусловлена прежде всего бездуховностью пишущих и читающих индивидов. Предлагается обратить внимание на потребность человека в персональном духе, на одухотворение личности в процессе философского образования.

Ключевые слова: смерть автора, скриптор, творчество, одухотворение личности, философское образование.

Ролан Барт опубликовал свою статью «Смерть автора» в 1968 году. Он утверждал, что удаление автора – это не просто исторический факт или эффект письма; ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется. Место автора занимает скриптор, который «рождается одновременно с текстом»; у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остается только одно время – время речевого акта, и всякий текст вечно пишется *здесь и сейчас*.

Р. Барт [1, с. 386]¹ напоминает представление Валери о том, что суть литературы – в слове, всякие же ссылки на душевную жизнь писателя – не более чем суеверие. Иначе говоря, современный скриптор не является личностью, и, очевидно, поэтому он не может более полагать, что рука его не поспекает за

мыслью или страстью, и что коли так, то он, принимая сей удел, должен сам подчеркивать это отставание и без конца «отделять» форму своего произведения; наоборот, его рука, утратив всякую связь с голосом, совершает чисто начертательный (а не выразительный) жест и очерчивает некое знаковое поле, не имеющее исходной точки, – во всяком случае, оно исходит только из языка как такового, а он неустанно ставит под сомнение всякое представление об исходной точке (с. 387–388). Скриптор, пришедший на смену Автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки (с. 389).

Коль скоро Автор устранен, то совершенно напрасным становятся и всякие притязания на «расшифровку» текста. Присвоить тексту Автора – это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо, считает Барт (с. 389).

Согласно Барту, текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих

единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников (с. 388).

В многомерном письме все приходится *распутывать*, но *расшифровывать* нечего; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улечивается, происходит систематическое высвобождение смысла. Тем самым литература (отныне правильнее было бы говорить *письмо*), отказываясь признавать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-либо «тайну», то есть окончательный смысл, открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливает течение смысла – значит в конечном счете отвергнуть самого бога и все его ипостаси – рациональный порядок, науку, закон (с. 389–390). Таким образом, у Барта смерть конкретного автора дополняется смертью Бога; философ демонстрирует радикальный нигилизм.

По его убеждению, текст слагается из разных видов письма, происходящих из различных культур, вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора; однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель. Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст (с. 390).

Таким образом, «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» (с. 391).

Следуя логике Р. Барта, можно добавить, что смерть автора и Бога как источников смысла означает установление безграничного произвола читателя-комментатора, который сразу же становится и автором, и Богом. Фактически начинает доминировать каприз Читателя как нового абсолютного Автора. При этом следует иметь в виду, что чита-

тель – такой же безликий индивид, как исчезнувший Автор и умерший Бог; что читатель – очередной кандидат в скрипторы, потенциальный скриптор. В отсутствие настоящего Автора и Бога нет и настоящего читателя, мир заполняется механическими скрипторами.

Кроме того, диагноз Ролана Барта о смерти автора не достигает нужной цели, поскольку помимо автора-человека всякий текст (в том числе и мир как текст) творится еще и объективной сущностью бытия, то есть, на религиозном языке, Богом. Иначе говоря, помимо субъективного духа автора в тексте проявляется объективная сущность мироздания. Бесконечный Бог-бытие не может умереть, то есть однажды прекратить свое существование, несмотря на все решительные декларации Ницше или Барта.

С этой точки зрения лишь для плохой критики «все творчество Бодлера – в его житейской несостоятельности, все творчество Ван Гога – в его душевной болезни, все творчество Чайковского – в его пороке; *объяснение* произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз “исповедуется” голос одного и того же лица – *автора*» (с. 385).

Во-первых, такая критика напоминает стиль медицинского материализма, о котором рассказывал В. Джемс в «Многообразии религиозного опыта» (1902). Согласно этому материализму, порок и добродетель такие же продукты, как купорос и сахар. К примеру, меланхолическая окраска философии Уильяма зависит от плохого пищеварения. Та отрада, какую находит Элиза в посещении церкви, объясняется ее истеричностью. И Петра меньше мучили бы вопросы о его душе, если бы он побольше упражнялся на чистом воздухе, и т. д.

Американский философ отмечал, что сообразно с общим постулатом современной ему психологии нет ни одного состояния сознания – ни нормального, ни патологического, начиная с самых низменных и кончая самыми возвышенными, – которое не было бы обусловлено каким-нибудь органическим процессом. Однако разве этим разрешается вопрос о ценности известных духовных проявле-

ний личности? – риторически вопрошал Джемс [4, с. 24–28].

Во-вторых, упрощенная критика не желает замечать, что в любом произведении, тексте находит свое выражение не только субъективный дух автора, но и объективный дух мироздания. Иначе говоря, в наших словах, поступках и действиях светится объективная сущность бытия. Это, в частности, означает, что в тексте высказывает себя не только душа поэта, но также сказывается (объективно, помимо всякого воления и сознания писателя) бесконечная сущность бесконечного Космоса.

В этих своих рассуждениях мы исходим из следующей логики Платона и Гегеля.

В диалоге «Ион» так описывается творческий процесс. «Все хорошие эпические поэты слагают свои прекрасные поэмы не благодаря искусству, а лишь в состоянии вдохновения и одержимости» [5, с. 376]. Поэт (существо легкое, крылатое и священное) может творить лишь тогда, когда делается вдохновенным и иступленным и не будет в нем более рассудка. Поэты творят и говорят много прекрасного о различных вещах не с помощью искусства, а по божественному определению. И каждый может хорошо творить только то, на что его подвинула Муза. Бог отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они, лишенные рассудка, говорят столь драгоценные слова, а говорит сам бог и через них подает нам свой голос. Поэты – «не что иное, как толкователи воли богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет» [там же, с. 377].

С этой точки зрения основная задача поэта (творца, автора) заключается в том, чтобы настроиться на ту «волну», на которой говорит Бог, услышать его голос, слова, а затем аккуратно записать, запротоколировать этот божественный текст. Именно поэтому поэзия Гомера считается божественной, поскольку рукой поэта водил Бог и его устами говорил сам Бог. Следовательно, Гомер передает не только волнения своей души (не только свои переживания, свой экзистенциальный опыт, как мы сказали бы сегодня), но и «волю богов» как их толкователь. Таким образом, в «Одиссее»

отражается не только душа Гомера, но и объективная сущность бытия.

Правда, иной автор намеренно не станет слушать вибрации бытия или голос Бога, превознося одну свою наилучшую субъективность до небес. Но и в этом случае в его текстах будут светиться частички реального мира. Пока живы, мы обречены на презентацию (порой совершенно нелепую) нашего бытия в мире. Самая жизнь человека означает его объективную причастность бесконечной сущности бесконечного бытия (на другом языке: Богу). Если хорошая критика будет учитывать это обстоятельство, ей удастся лучше понять Бодлера, Ван Гога и Чайковского.

Что касается Гегеля, то известно, что он шел по стопам Вико и Гердера, формулируя «хитрость разума». Божественный разум не только могуществен, но и хитер; его хитрость состоит в том, что своих целей он достигает чужими руками.

Живые индивидуумы и народы, по мнению Гегеля, ища и добываясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют. Историческая деятельность человечества складывается из действий людей, вызванных реальными интересами отдельной личности. Каждый человек преследует свои собственные индивидуальные цели, а в результате из его действий возникает нечто иное, что было в его действиях, но чего не было в его намерениях. Человек, который из мести поджигает дом своего соседа, вызвал пожар, уничтоживший целый город. Результат, порожденный действием преступника, вышел далеко за пределы его намерений. Нечто подобное происходит и во всемирной истории [3, с. 36].

Продолжая эту логику, мы будем говорить о «хитрости духа», полагая, что объективный дух как сущность природы имеет рационально-иррациональный характер. И этот дух также проявляет себя во всех творениях человека (минуя его субъективную волю и сознание). Следовательно, об окончательной смерти автора, как и о смерти Бога (то есть сущности бесконечного Космоса), говорить не приходится. Поэтому читатель не может стать абсолютным Автором, он не может занять место действительного Абсолюта, и ему

придется вслушиваться в голос бытия, запечатленный в тексте. Всякий текст все же имеет своего автора. Радикальный нигилизм Ролана Барта неубедителен.

В свою очередь мы хотим рассказать о другой проблеме – о фактической смерти современного автора как личности. Это свидетельство о смерти пришло из другого источника. Мне неоднократно приходилось выступать в качестве рецензента и оппонента различных диссертационных сочинений (по философии, социологии, социальной работе, психологии, политологии, экономике, литературе). Любопытно, что во многих из них превалировала одна и та же погрешность: авторы слишком много цитировали и мало высказывали своих мыслей, мнений, суждений. Складывалось впечатление, что автор монографии или диссертации прятался, скрывался за цитатами. Действительно, многие нынешние тексты сотканы из цитат, «отсылающих к тысячам культурных источников» (Барт), а их авторы просто исчезают в тени авторитетов.

Одним словом, многие современные исследователи робеют мыслить самостоятельно. Они демонстрируют *псевдомышление*. Эрих Фромм демонстрирует его на следующем примере. Предположим, что мы на острове, где встречаем местных рыбаков и дачников-горожан. Мы хотим узнать, какая будет погода: спрашиваем об этом рыбака и двух дачников, про которых знаем, что все они слышали прогноз по радио. Рыбак, имеющий большой опыт и постоянно заинтересованный в погоде, обдумает все исходные данные (направление ветра, температуру, влажность и др.) и придет к определенному заключению. Вероятно, он вспомнит и прогноз, переданный по радио, и соотнесет его с собственным выводом. Но во всяком случае он скажет нам *свое* мнение, результат своего размышления.

Первый из опрошенных нами горожан – человек, который в погоде не разбирается; ему это не нужно. Он просто повторит услышанный прогноз. Другой дачник – человек совсем иного плана; он из тех, кто полагает, что прекрасно разбирается в погоде, хотя это далеко от истины. Немного подумав, он сообщает нам «свое» мнение, в точности совпадающее с прогнозом.

Поведение этого человека внешне не отличается от поведения рыбака, но если ра-

зобраться, становится очевидным, что он просто усвоил прогноз. Однако он ощущает потребность иметь *собственное* мнение и поэтому забывает, что просто-напросто повторяет чье-то авторитетное утверждение. Очень может быть, что он предскажет погоду правильно, а рыбак ошибется, но это дела не меняет: правильное мнение такого горожанина не является собственным, а ошибочное мнение рыбака – собственное.

То же самое можно наблюдать, изучая мнения людей по любому вопросу, например, в области политики или искусства, считает Фромм [8, с. 170–171]. Многие не думают, а рационализируют.

Современный автор исчезает прежде всего потому, что умирает его душа: сегодня многие диссертации и романы пишут не личности, а скрипторы. Массовый индивид перестал быть творческой, одухотворенной личностью, но стал правильным потребителем с единственной способностью превращаться в скриптора.

Потребность в персональном духе

Если Новое время – это время рождения автора, человека как личности, то придется признать, что двадцатый век – это время умирания автора как личности. Ролан Барт увидел это в 1968 году.

Когда происходит явление скриптора «одновременно с текстом»? Очевидно, тогда, когда у такого индивида не оказывается ничего за душой, или, лучше сказать, в душе. Внутренняя опустошенность обуславливает способность только к одному виду деятельности – к деятельности «ткача» текста из различных лингвистических единиц, причем, по Барту, «всякий текст вечно пишется *здесь и сейчас*». По всей видимости, это своеобразный мучительно-упоенный «момент безумия», который, кстати, также может вызывать неподдельный восторг.

Одним из эффективных способов *одухотворения* личности является качественное образование, в частности философское.

Философия гуманистична и демократична по самой своей природе: она обращена к человеку и доступна всем, поскольку у каждого из нас есть разум. Как говорил Людвиг

Фейербах, «не во власти философии наделять умом, она его *предполагает*...». Однако он был не точен, когда добавлял: «Она только *определяет* мой ум. Образование понятий средствами определенной философии... есть только развитие заключенного во мне духовного материала, еще неопределенного, но способного ко всяческой определенности» [7, с. 63]. В действительности же философия имеет большее значение; она не только обнаруживает внутреннее содержание человеческого духа, но и принимает участие в его творении.

С этой точки зрения одна из основных ценностей философского образования заключается в том, чтобы утверждать и развивать самостоятельное мышление студентов, то есть способствовать их самотворению. Философия приглашает к размышлению. Она должна будить мысль, но «не должна брать в плен наш ум сказанным или написанным словом, – последнее всегда убийственно действует на ум...», – считал Фейербах [там же, с. 67]. Никто (даже в рекламе) не смеет входить в мою голову без моего разрешения и навязывать свои представления.

По замечанию Фейербаха, философ проповедует не немым рыбам, он обращается к *мыслящим* существам. Однако *основного* смысла вещи он не дает, он вообще ничего не *дает*, – «иначе философ в самом деле мог бы создавать философов, что донныне никому не удавалось...» [там же].

Размышление совершается в диалоге, где при столкновении различных мнений рождается истина, как высекается искра. Если взаимодействие является *causa finalis* природных вещей, то диалог оказывается оптимальным способом существования философии, классической формой ее бытия. Диалог – суть философии, когда он есть размышление, устремленное к истине. Философия диалогична. Самовлюбленный монолог оскорбителен для нее.

Размышление предусматривает доказательство. «Для доказательства необходимы *два лица*; мыслитель *раздваивается* при доказательстве; он сам себе противоречит, и лишь когда мысль испытала и преодолела это противоречие с самой собой, она оказывается доказанной. Доказывать значит оспаривать» [там же, с. 73].

Нередко же студентов учат так, пишет Э. Фромм, чтобы они могли повторить основные идеи автора. Именно в этом смысле студенты «знают» Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Хайдеггера, Сартра. По мнению Фромма, так называемые отличники – это учащиеся, которые способны наиболее точно повторить мысли каждого из философов. Они напоминают хорошо информированного гида в каком-нибудь музее. Они не учатся мысленно беседовать с философами [9, с. 43].

Однако мысль можно передать только посредством мысли, философию – посредством философствования. Или, говоря словами Фейербаха, изложение философии само должно быть философским. Это значит, что рассказывать о философии можно только размышляя. Иначе просто невозможно показать деятельность разума. Тогда на лекциях и семинарах осуществляется «тайнство воскрешения» философского мышления разных времен. Разум преподавателя является «живой водой», тем чудотворцем, который оживляет, воскрешает мысль прошлого.

Можно сказать, что философия занимается постановкой разума у человека. Она не вливает в его голову мысли, словно капли лекарства. Истина не транслируется. «Мудрость непередаваема», – говорил Сиддхартха, герой одноименной повести Германа Гессе. Передаются слова, некоторая информация о ней. Постигание истины – прежде всего активный личностный процесс, связанный с саморазвитием познающего субъекта; существует момент истины, время ее откровения, которое, правда, может никогда не наступить, если к нему не стремиться.

В самом деле, как можно наделить кого-нибудь мудростью Платона? Здесь никакой исчерпывающий рассказ, например, о его теории идей, не поможет. Не поможет и институционализация в виде дипломов самых лучших университетов. Чтобы понять требуемый смысл, нужно возвыситься до философии Платона, если угодно, приобрести его мышление, а для этого необходима самостоятельная работа персонального духа.

Способность понимать другого, его идеи и чувства во многом предопределяется внутренним состоянием личности. Лишь развивая

свой экзистенциальный опыт, свои мысли и чувства, можно подниматься до более высоких ступеней человеческого духа. Научение философии предполагает в первую очередь пробуждение разума студента, а не механическое усвоение им тех или иных постулатов. Мы должны начать чувствовать и думать, чтобы понять философию и окружающий мир. *Одухотворение* личности есть неременное условие качественного образования.

Философия не является эзотерическим знанием, она может быть понятна всем, кто к ней обращается. Однако ее не следует приземлять, принижать до уровня обыденного рассудка. Восхождение же к ней требует серьезных усилий. При этом преподаватель занимает позицию Сократа, выступает в роли повивальной бабки, помогающей рождению мысли и истины, то есть владеет искусством майевтики.

Разумеется, мышление без знания фактов, определенной информации невозможно. Преподаватель подает не только импульсы для другого мышления, но и предлагает богатое содержание. В свое время Гегель называл предрассудком положение, согласно которому развитие самостоятельного мышления безразлично к содержанию учебного материала. «По общему заблуждению иному кажется, что мысль лишь тогда несет печать самостоятельности, когда она отклоняется от мыслей других людей... Вообще отсюда идет стремление к тому, чтобы у каждого была своя собственная система и что выдумка считается тем оригинальнее и замечательнее, чем более она безвкусна и безумна, потому что именно этим она в большинстве случаев доказывает своеобразие и отличие от мыслей других людей» [2, с. 423].

Еще одно замечание, возможно лишнее: философией нельзя пугать. Так, на учебных занятиях, зачетах и экзаменах не должно быть атмосферы страха. Философия – это прежде всего размышление, а мышление есть радость. Бояться философии – значит бояться думать, своей мысли, самого себя. На первый взгляд, это – нелепость. Но ведь действительно многие боятся и не хотят думать. Вероятно, оттого, что не верят в себя, не доверяют своему разуму. Весьма любопытная

вещь: люди с удивительной легкостью отдают свою веру кому-то, Другому, но не верят в себя; они страшатся поверить в себя.

Верно, что размышление, выдвигая проблемы, создает внутреннее напряжение, которое подчас бывает просто невыносимым. Однако для преодоления этого дискомфорта нет иного положительного средства, кроме... дальнейшего размышления, приводящего к ответу. Философия предлагает верить в себя, в свой разум и чувства, и тогда человеку откроются истины бытия.

Другой ценностью философского образования является формирование антипозитивистского мышления. К сожалению, позитивизм, технический интеллект является доминирующей характеристикой нашего времени. Его – тихая, незаметная, но последовательная экспансия прочно устанавливает непредсказуемую власть техники и бюрократии.

Справедливо полагают, что философское знание, то есть знание о сущности вещей, дает позитивным наукам первые аксиомы, указывающие им направление исследования. Всякая теоретическая и практическая деятельность зависит от таких предпосылок, которые, разумеется, не являются предметом повседневного внимания. Анализ исходных постулатов есть дело философии. Поэтому когда люди задумываются о первых началах своей жизни и деятельности, они волей-неволей становятся философами. Потребность в оценке фундаментальных принципов связана, в частности, с необходимостью повышения эффективности научных исследований и в конечном счете с требованием истины. Истина взывает к философии, в ней она надеется обрести себя. Как писал В.С. Соловьев, «...Кант не открыл для ума новых миров, но поставил самый ум на такую новую точку зрения, с которой все прежнее представилось в ином и более истинном виде» [6, с. 441].

Философия позволяет увидеть другое, метафизическое измерение объективной реальности, существенно дополняя конкретно-научную картину мира. Именно благодаря философии можно уловить не только субъективный дух автора, но и бесконечную сущность бесконечного бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее при ссылке на эту работу в круглых скобках будут указываться номера страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.
 2. Гегель. О преподавании философии в университетах / Гегель // Работы разных лет. В 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги. – М. : Мысль, 1972. – С. 417–425.
 3. Гулыга, А. В. Гегель. Вехи творческого пути / А. В. Гулыга // Гегель. Работы разных лет. В 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги. – М. : Мысль, 1972. – С. 5–44.

4. Джемс, В. Многообразие религиозного опыта / В. Джемс. – СПб. : Андреев и сыновья, 1993. – 423 с.
 5. Платон. Ион / Платон // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.] ; авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1990. – С. 372–385.
 6. Соловьев, В. С. Кант / В. С. Соловьев // Сочинения. В 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева ; примеч. С. Л. Кравца [и др.]. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1990. – С. 441–479.
 7. Фейербах, Л. К критике философии Гегеля / Л. Фейербах // Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1 / общ. ред. и вступ. ст. М. М. Григорьяна. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 53–96.
 8. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. Г. Ф. Швейника, Г. А. Новичковой. – М. : Акад. проект, 2007. – 272 с.
 9. Фромм, Э. Иметь или быть? : пер. с англ. / Э. Фромм ; общ. ред. и послесл. В. И. Добренькова. – 2-е изд., доп. – М. : Прогресс, 1990. – 336 с.

CASUS OF THE SCRIPTOR

N.V. Omelchenko

In his paper “Casus of the Scriptor,” Nikolay Omelchenko discusses the phenomenon of “the death of the author,” which was described by Roland Barthes. There takes place criticism of this statement and the explanation that the situation of the mechanical writing and interpreting of the texts is above all connected with the lack of spirituality of writing and reading individuals. Obviously, there is a human need for a personal spirit, including spiritualization in the process of philosophical education.

Key words: *the death of the author, scriptor, creation, spiritualization of personality, philosophical education.*